

ЕЛЕНА ИВАНОВА

СМОЛЕНСКИЙ
ПАССАЖ

МОСКВА.
ЧЕТЫРЕ ЗЕРКАЛА.
ОДНА ЖЕНЩИНА.

*Четыре поворота
к себе*

ГОРОДСКИЕ *зеркала*

— СБОРНИК РАССКАЗОВ —

НОВАЯ
СЕРИЯ

о Москве
и о себе

Пассаж

◆
Москва-Сити

◆
Глаза собаки

◆
Девочка
среди пороков

ГОРОД, В КОТОРОМ ТЫ НЕ ПОТЕРЯЕШЬСЯ,

если посмотришь в нужное зеркало

Елена Иванова

Городские зеркала

<https://litres.ru/74086118>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Городские зеркала» — четыре рассказа о Москве, в которых женщина на повороте судьбы неожиданно встречает себя.

Смоленский пассаж, башни Москва-Сити, бронзовая собака на «Площади Революции», бронзовые фигуры на Болотной, Шуховская башня, скульптуры в парке Музеон — обычные городские места оборачиваются зеркалами, где проступает спрятанное: страх, усталость, право занимать своё место. Город здесь не декорация, а собеседник, который задаёт вопрос — и ждёт ответа.

Содержание

ПАССАЖ	5
МОСКВА-СИТИ	9
ПОЧТИ ВОЗДУХ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Иванова

Городские зеркала

ГОРОДСКИЕ
ЗЕРКАЛА

цикл рассказов

Елена Иванова

Иногда город показывает не дорогу.

Он показывает человека, которым ты всё это время был.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАССАЖ 1

МОСКВА-СИТИ 6

ПОЧТИ ВОЗДУХ 12

ГЛАЗА СОБАКИ 18

МОЙ НЕ ПРОЙДЁТ МИМО 25

ПОСЛЕСЛОВИЕ 38

ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ 44

ДЕВОЧКА СРЕДИ ПОРОКОВ 58

ПАССАЖ

Смоленский пассаж

Она задрала голову. Смоленский пассаж уходил вверх этаж за этажом, и сверху уже начиналось небо. Снизу не было видно, где он кончается. Может быть, нигде.

Раньше она работала в банке в один этаж. Низкие потолки, линолеум, на подоконнике герань в старом горшке, принесенном из дома. Там ходили, пригнувшись под давящим потолком. Здесь задирали голову.

Был октябрь две тысячи восьмого. Биржа осыпалась каждое утро, как штукатурка со старых стен. Межбанк встал. По кабинетам её банка ходили новые люди в одинаковых галстуках и считали столы. Она знала, что её стол уже сосчитан.

Дома мать делит пенсию на тридцать дней. Отец пытается починить то, что давно отжило свой срок. Сын вытянулся за лето и из всего вырос. Денег нет. Денег почти нет.

Резюме на должность на голову выше прежней она отправила, как бросают монету в фонтан, — не загадывая. И вдруг ответили, пригласили на собеседование. Она перечитала письмо три раза, проверяя, ей ли оно. Наверное, ошиблись адресом. Так бывает.

В холле Смоленского пассажа пахло кофе и деньгами.

Охранник посмотрел на неё и куда-то позвонил. Ей показалось: звонит предупредить, что идёт не та.

Лифт был зеркальный. Со всех сторон её отражения — копии женщины в единственном приличном костюме смотрели на неё с сомнением. Четырнадцатый этаж. Пол мягко толкнул её вверх, а внутри что-то рухнуло в пятки — будто тело осталось внизу, в одноэтажном, среди герани, а наверх ехала одна оболочка.

В детстве её называли старательной, а брата — способным. Она рано поняла разницу. Способной всё давалось. Старательная же всё добывала. «Зато ты у нас усидчивая», — говорила мать, и в этом «зато» помещалась вся правда о ней. Сколько потом ни было пятёрок, дипломов, повышений — поверх каждого ложилось это «зато».

На четырнадцатом среди ковровых дорожек и запаха дорогого парфюма было тихо. В окна смотрел МИД, строго и испытующе, как будто спрашивал: зачем ты здесь. Она пожелилась, и отвернулась от окна.

В кабинете за длинным столом её встретили трое.

Они говорили, что у неё сильное резюме. Что филиальная сеть при ней выросла вдвое. Она кивала и думала, как объяснить им, что это не она. Что филиалы достались хорошие, и команда их вытянула, наравне с ней. Что просто было время роста, когда любой бы вырос.

— Это не совсем моя заслуга, — сказала она негромко и

сама услышала, как глупо это прозвучало в комнате, где её хвалили.

Они переглянулись.

Потом старший — седой, с тяжёлыми руками — сказал, что вакансия в управление, на которую она претендовала, уже закрыта. Но есть другая. Организация бизнеса. Уровень ответственности, сказал он, несопоставимый. Он назвал цифры, на порядок больше тех, в которых она умела плавать. Такой работой она не занималась никогда. Ни дня.

Внутри стало очень тихо. Она подумала: сейчас. Сейчас они поймут. Стоит открыть рот про организацию бизнеса, и станет очевидно, что она в этом профан. А начальник должен знать всё, иначе какой он начальник. Иначе он просто старательная девочка, которую по ошибке пустили на четырнадцатый этаж и сейчас попросят выйти.

Ей всё казалось, что вот-вот кто-нибудь тронет её за плечо. Извините. Недоразумение. Не вы.

— Мы предлагаем вам это место, — сказал седой. Просто, как передают соль.

Она ждала чего угодно: отказа, проверки, разоблачения, но только не этого. Под столом она сжала ремень сумки, как держатся за поручень. На языке стояло: «вы ошиблись, я не потяну». В голове пронеслось: «Меня раскусят на третий же день.»

Она сделала глубокий вдох и услышала свой голос — ровный, чужой: «подумаю до завтра».

Вниз тело возвращалось охотнее. На Садовом кольце кружились машины в вечном круговороте. Перед ней, поверх крыш, поднимался МИД — старший брат этого стеклянного дома, сталинская высотка, тоже как будто не для неё.

Дома мать снова делит пенсию. Отец снова взялся за починку старых стульев. Сыну снова нужны ботинки. Бояться высоты легче внизу.

Смоленский пассаж. Пассаж — это ведь всегда переход куда-то, где тебя ещё нет.

Она знала, как будет дальше: ночами добирать то, чего не знает, добывать, как добывала всегда.

Старательная.

Назавтра она снова стояла внизу и смотрела наверх, на четырнадцатый этаж, считала линейки окон, ища глазами то самое, с видом на МИД. Потом вошла в зеркальный лифт. Со всех сторон стояла женщина, которой здесь не место. Четырнадцатый. Палец сам нашёл кнопку. Пол толкнул вверх.

Она не была готова. Но, может быть, к этому нельзя быть готовой заранее. Может быть, готовность приходит уже там, наверху.

МОСКВА-СИТИ

Башия «Федерация. Восток»

Лента шла вдоль стеклянной стены.

Ровно, без зазора. Далеко внизу под стеклом лежал город — беззвучный, как макет. Вафельные стаканчики садились на ленту один за другим, подъезжали под ковш-дозатор, и в каждый падала одна и та же белая масса — ни больше, ни меньше, секунда в секунду, и каждый потом ехал дальше, по конвейеру, к раздаче.

Мороженое здесь раздавали даром, но только тем, кто заплатил за билет: сначала ты платишь, чтобы подняться, а наверху тебе вкладывают в руку холодный стаканчик, и ты говоришь спасибо.

Один стаканчик сел криво.

Я почему-то испугалась за него. Подумала: лента дёрнется, его смахнёт, машина не простит такого перекоса. Но ковш налил в него ровно столько же, сколько в остальные, и он поехал дальше, кривой, но целый, — туда же, куда и все.

Я стояла и не могла отойти. Где-то под рёбрами медленно проявлялось узнавание — как плёнка со снимком в ванночке.

Меня звали Лена, и в пятом классе я однажды сказала од-

ной девчонке, что у меня меланхолия.

Сказала просто так, у вешалок, наматывая на руку шарф: устала, серое небо, не хочется домой. Для себя нашлось это слово. Я его где-то прочла, оно показалось точным, как ключ к замку. Кто-то его услышал и передал дальше.

Классный час Дина Петровна вела по средам. Мы сидели прямо, руки на парте, и разбирали поведение. В тот раз говорили обо мне.

Говорили по очереди, по той форме, какой нас учили: «Я считаю, что Лена...» Считали, что Лена задаётся. Что Лена говорит словами, которых мы не понимаем. Что Лена думает, будто она умнее.

— Меланхолия, — повторила Дина Петровна и обвела класс взглядом, приглашая улыбнуться. В классе заулыбались, зашептались, что-то обсуждая. — Скажи проще, Лена. Настроения нет — вот и весь сказ. Зачем нам твоя меланхолия?

Я молчала. Молчание тоже сочли за высокомерие.

Свой вердикт Дина Петровна вынесла спокойно, без злости. Коллектив, сказала она, не любит, когда кто-то выставляется. Будешь выставляться, Лена, коллектив от тебя отвернётся, объявит бойкот. Никто тебе не враг, Лена, мы тебе добра хотим, просто не выделяйся.

Придя домой, я упала на диван без сил и долго смотрела в стенку, думая об этом судилище. И решила сделать то, чего от меня и хотели. Я убрала это странное слово из моей речи

«для всех». Спрятала его, как прячут вещь, за которую могут наказать. И назавтра, когда было серо и ничего не хотелось, я сказала: «Настроения нет». И мне налили ровно столько, сколько всем.

В Московский университет я попала на сломе эпохи, когда воздух вдруг стал другой.

Появлялись журналы, которых раньше не было. В них вслух говорили о том, о чём дома ещё шептали.

Я всё это видела. Я стояла у лотка, где продавали тонкие, плохо склеенные книжки, брала одну, листала, ставила обратно. Мне хотелось туда — в слова, в чужие судьбы, разобранные по буквам. Мне хотелось на филфак.

Решение приняли без меня. Не против меня — это важно. Просто к тому времени, когда я подросла настолько, чтобы хотеть, всё уже было решено: экономический, надёжно, время такое, с цифрами не пропадёшь. Родители говорили это с любовью, как Дина Петровна — про коллектив.

Я несла документы к 3-му учебному корпусу, на экономический факультет. Медленно шла к двери, за которой учили считать, строгой и серой, как столбик цифр, мимо 1-го гуманитарного корпуса. Там, я знала, был филфак. Из открытой двери тянуло нагретой бумагой и типографской краской, кто-то громко спорил о книге, которую читал всю ночь. На ступенях девушка прижимала к груди папку с тесёмками и смеялась. Я знала, в какую сторону меня тянет.

Но пошла дальше.

Вот этот момент я помню отчётливее всего — ту секунду на пути, когда можно было остановиться и повернуть, а я не повернула. Лента шла. Я на неё села сама.

В банк я пришла уже готовым стаканчиком — ровным, обтекаемым, без перекоса.

Офис был здесь же, в одной из башен Москва-Сити. Внизу под стеклом лежал тот же беззвучный макет города. Начальница департамента сразу поняла: меня можно хорошо наполнять. В меня лили задачи, одну за другой, безостановочно, и я отдавала себя, свою жизнь этому непрерывному процессу. «Кому ещё доверить, как не тебе», — говорила начальница, не повышая голоса. И я была благодарна — за то, что мне отдавали чужую работу.

Слова к тому времени ушли из меня совсем, уступив место цифрам. Когда я смотрела на белый лист бумаги, то понимала: не было сил, чтобы написать хоть что-нибудь своё, и лист оставался чистым. Внутри было ровно и бело, как в стаканчике.

С ленты сходят постепенно. Однажды утром тело просто отказалось работать дальше. Силы кончились внезапно, как горячее у машины, которая слишком долго везла без заправки. Голова закружилась, в глазах потемнело, а уши будто наполнились ватой. И наступила тишина... Я не помню, как меня везли вниз, к скорой. Помню белый потолок — и то,

что впервые за много лет мне не нужно было ничего наполнять.

Сюда, наверх, я поднялась спустя время, пришла на экскурсию, заплатив за билет.

Конвейер шёл всё так же. Стаканчики, ковш, белая масса. Рядом стояла девочка лет восьми и смотрела вниз, на город под стеклом.

— Какой он... бескрайний, — сказала она.

— Что за слова, — мать дёрнула её за руку. — Скажи нормально: большой.

Девочка сжалась — я знала это движение изнутри, до миллиметра. Сейчас уберёт слово, спрячет, и в следующий раз скажет «большой», и ей нальют ровно столько, сколько всем.

— «Бескрайний» — точнее, — сказала я тихо. — Не отдавай его.

Она посмотрела на меня недоверчиво, перевела на маму взгляд. Её мать осуждающе взглянула, но не стала со мной спорить, просто взяла девочку за руку и увела подальше.

Кривой стаканчик как раз доехал до конца ленты, наполненный сладкой холодной массой, ничем не хуже других. Машина не смогла его наказать. Но наказали люди, стоящие на раздаче, смахнув его с конвейера.

И слово вернулось ко мне само — то самое, проглоченное у вешалок тридцать лет назад. Я произнесла его про себя, и оно не обожгло: меланхолия. Просто слово. Моё.

А потом я вспомнила ту дорогу к 3-му корпусу МГУ, две двери — ту, к словам, и ту, к цифрам, — и развилку к ним, на которой тогда не повернула.

Лента шла мимо, ровно, без зазора, и звала встать на неё снова.

Но на этот раз я повернула. Сама.

ПОЧТИ ВОЗДУХ

Шуховская телебашня

Лето.

Из «Шаболовской» она выходит в поток и попадает в его шаг сразу, без усилия. Все идут быстро. Телефоны, наушники, кофе навynos. Она — в потоке, вместе со всеми.

Эту дорогу она знает наизусть, каждый люк и каждый бордюр. Автоматически замедляет шаг перед светофором, помнит, где сужается тротуар, а где надо обойти урну. Пятнадцать лет одной дорогой.

Но внутри — пустота. Не тоска, нет. Хуже. Ровное отсутствие интереса, как асфальт под ногами.

У перекрёстка она слышит тонкий свист, частый, от крыльев, режущих воздух. И зачем-то поднимает голову.

Между листьями, выше деревьев, видна верхушка Шуховской башни. Стальная, лёгкая, сквозная. Будто кто-то нарисовал её одной линией и забыл закрасить. Вокруг кружат стрижи.

Странно.

Пятнадцать лет.

И ни разу не заметила.

Она стоит на секунду дольше, чем нужно. Потом поток подхватывает её снова. «Как я устала», — думает она. «Жар-

ко сегодня». И идёт дальше.

Письмо приходит вечером, среди десятка других.

«Приглашаю вас на свою персональную выставку. Светлана...»

Фамилию она читает дважды. Незнакомая. Какая-то художница, наверное, рассылка попала случайно. Палец уже завис над кнопкой «Удалить».

И вдруг — маленькая фотография внизу письма.

Она узнаёт её не сразу. Сначала всплывает в памяти улыбка, потом её глаза. Это Света. Та самая Света из банка, с которой они десять лет назад пили кофе в одной столовой.

Что-то поднимается внутри. Странное чувство: радость? Или, на худой конец, зависть?

Но это не радость и не зависть.

Это стыд.

Она не сразу понимает, откуда этот стыд.

Перебирает: я же её не обижала, мы и не дружили толком. Всё правильно, всё логично. А стыд не уходит.

И вдруг, против воли, вспоминает тот разговор.

Банковский кафетерий. Пахнет свежесваренным кофе, и Света показывает фотографии своих акварелей: тёмные глаза окон и радуга над крышами. И говорит тихо, почти извиняясь:

— Муж говорит, это детские фантазии.

И смущённо смеётся, чуть быстрее, чем нужно.

А она тогда не промолчала, ответила.

— Жалко. Но он, наверное, прав. На акварели ведь не проживёшь.

И перевела разговор на отчёты.

Раньше она была уверена, что просто посочувствовала, была ни при чём.

Но теперь видит: тогда она согласилась с ним вслух, словами. Сказала: он прав. Подтвердила мужа, которого даже не знала. Она была не свидетелем. Она была вторым голосом.

Следом приходит другое — совсем старое.

Девочке лет семь. Она рисует что-то своё... Дом. Дерево. Птицу с непомерно большими крыльями.

Мама проходит мимо и, не глядя, говорит на ходу:

— Ерундой не занимайся. Иди лучше посуду помой.

Одна фраза, брошенная между делом.

И вот теперь — неприятная правда, от которой хочется встать, уйти на кухню, поставить чайник, сделать что угодно.

Она сказала Свете своё «он прав, на акварели не проживёшь» ровно тем голосом, каким сорок лет назад сказали ей. Та же интонация, та же забота, та же клетка внутри. Она ведь не придумала эту фразу. Она просто её донесла, передала дальше, не думая, что передаёт.

Чайник она так и не поставила.

Поздно вечером, перед уходом домой, как обычно, на экране всплыло письмо руководителя: подтвердить участие в новом проекте.

Ещё два года: отчёты, совещания, ровный холодный свет опенспейса и окна, закрытые наглухо, в которые никто не смотрит.

Она подводит курсор к кнопке «Подтвердить».

Рука останавливается.

Кто сейчас это решает?

Я?

Или та женщина, которая сорок лет назад сказала: «ерундой не занимайся»?

Она сидит долго. Курсор так и стоит над кнопкой. И где-то совсем тихо проступает понимание, что всю жизнь она чего-то ждала, какого-то разрешения. Чтобы кто-нибудь ей сказал: можно, иди.

И ждать больше некого.

Назавтра она снова идёт привычной дорогой. Верхушка башни поднимается над деревьями, и солнце проходит сквозь её решётчатое тело. Металл кажется тёплым, почти живым.

Стрижи входят в неё и выходят с другой стороны. Они не огибают железный каркас, не считают его препятствием. Они видят небо. Только небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.